

СПАСИБО, ЧТО ПРЕДАЛ

Злюся Романова

В разводе

Злюся Романова
Спасибо, что предал

«Автор»

2026

Романова З.

Спасибо, что предал / З. Романова — «Автор», 2026 — (В разводе)

Трое маленьких сыновей, бесконечная усталость, работа, болезни, вечная нехватка сил — она держалась из последних крупиц воли, веря, что муж просто много работает ради семьи. Но однажды Олег вернулся домой, посмотрел на неё как на чужую и произнёс слова, после которых рухнул весь её мир: «Собери мне вещи. Я ухожу». Он ушёл к другой — красивой, успешной, вдохновляющей. А Таню оставил с тремя детьми, болезнью, долгами и унижением. Казалось, предательство уничтожило её окончательно. Но именно в тот момент, когда она потеряла всё, в её жизни появился человек, которого боялись даже сильные мужчины. Илья Резак не умел жалеть. Не умел говорить нежно. Не верил в случайности и слабость. Но почему-то именно рядом с этой измученной женщиной и её тремя мальчишками его ледяное сердце впервые дрогнуло. Олег думал, что выбросил Таню из своей жизни как ненужный груз. Он ещё не знал, что своим предательством подарил ей шанс стать счастливой.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Злюся Романова

Спасибо, что предал

Глава 1

Пакеты впивались в пальцы целлофановыми ручками, словно тонкие лезвия, оставляя на коже багровые полосы. Не три, не четыре, а целых шесть кульков — расчет на три дня вперед для ее ненасытной армии. Таня брела, как подстреленная лошадь, которая уже не чувствует боли, а лишь тупо переставляет ноги, движимая инстинктом добраться до стойла. Сознание отключилось, остался лишь автопилот, ведущий ее усталое тело домой.

Впереди, спотыкаясь о трещины в асфальте, неслись три вихря в одинаковых синих куртках и серых шапочках с помпонами. Они были похожи на стайку суетливых воробьев, но для нее — на три урагана, выжимавших из нее последние соки.

— Мам, а Сашка меня стукнул!

— Это он меня первый!

— А я не стукнул, я так... задел!

И тут, как ножом по стеклу, — пронзительный вой Паши. Этот звук впивался в ее измотанные нервы острее любого лезвия. Она остановилась, чувствуя, как дрожат от натуги руки.

— Хватит! — ее голос прозвучал хрипло и пусто, будто доносился из глубокого колодца. — Идите уже домой. Там и будете выяснять.

Дети, на секунду притихшие, тут же возобновили пререкания, но уже шепотом. Они привыкли к этому уставшему голосу матери, к ее глазам, в которых погас свет. Таня глотнула воздух, густой от выхлопных газов и осенней сырости.

Ее жизнь... Нет, это была не жизнь. Это был режим выживания, доведенный до автоматизма. Подъем в пять, чтобы успеть все: завтрак, сборы, уговоры, крики. Затем дорога в сад — бесконечный марафон с тремя неугомонными спутниками. А после — восемь часов в отделе кадров, под прицелом взгляда Жанны Викторовны. Не Жанны, а самой настоящей жабы в человеческом обличье, худосочной и злой, с лицом, заостренным вечной брезгливостью. Она появилась, пока Таня была в декрете, и с тех пор словно питалась ее истощением, заваливая работой вдвое больше остальных.

А венцом каждого дня был этот вечный марш-бросок с пакетами и тройняшками, замыкавший порочный круг.

Олег. Самый главный мужчина в их доме, чье присутствие все больше становилось мифом. Они познакомились на работе: он — начальник автотранспортного отдела в крупной логистической компании, она — перспективный специалист. Его мир был полон напряжения и ответственности, ведь над ним довлел Илья Андреевич Резак — человек, чья фамилия полностью оправдывала стиль работы. Он не обходил конкурентов, а срезал их под корень, и оказаться в его немилости означало полный провал. Поэтому постоянные задержки на работе, частые командировки стали неотъемлемой частью их семейной жизни.

Таня все это понимала. Она верила, что он старается для семьи, что это временно. Но в минуты выматывающей усталости, как сейчас, это знание не согревало. Оно лишь подчеркивало ее чудовищное одиночество. Рядом с ней были дети и бесконечные заботы, а где-то там, далеко, — его РАБОТА с большой буквы. Важная, сложная. А ее собственная жизнь превратилась в каторгу, имя которой — быт.

И тогда в память прокрадывалось «раньше». Всего четыре года назад... Она весила шестьдесят, а не восемьдесят килограммов. Носила не эти уродливые ботинки, а элегантные туфли на каблуке, в которых чувствовала себя женщиной. Спала по девять часов, а в выходные позво-

ляла себе нежиться в постели все одиннадцать — неслыханная роскошь по нынешним меркам. Ее волосы были не собранными в жидкий «крысиный хвостик», а струились густой и блестящей русой волной. И Олег... Олег смотрел на нее тогда иначе. В его глазах читалось не терпеливое ожидание ужина, а восхищение, страсть, любовь. Сейчас же она не могла подобрать слов, чтобы описать ту пустоту, что легла между ними непроходимой пропастью.

Наконец, дверь квартиры. Дети, скинув обувь, понеслись внутрь, словно ураган, врывающийся в тихую гавань. Таня заставила себя разуться, занести пакеты и... рухнула на маленький кухонный диванчик. Просто села, и все. Тело гудело, спина ныла тупой, привычной болью, ставшей частью ее существа. Ей бы отпуск... Но ее отпуск закончился месяц назад. Она провела его не на море, а в аду, вытирая сопли и сбивая температуру всей своей «банде», включая мужа, который болел громче и требовательнее всех, словно ребенок.

Дети, между тем, в минуты затишья становились ее маленьким спасением. Вот и сейчас ее банда, шустрые электровеники, вдруг преобразились в удивительно заботливых помощников.

— Мам, мы все разложим! — донесся голос Сашки.

— Я молоко в холодильник убрал! — добавил Паша.

— А я хлеб! — подхватил Ваня.

Таня сидела, уставившись в стену, и слушала, как они возятся на кухне. Доносившийся грохот кастрюль и спор о том, куда положить сыр, казались такими далекими. Она не могла двинуться с места, ощущая себя выжатой лимонной коркой. Старый кашель снова подкатил к горлу, заставляя ее согнуться пополам. Слабость накатила такая, что хотелось лечь на пол и не шевелиться. Она закрыла глаза, мечтая всего об одном часе тишины и полного забвения.

Но тут с грохотом что-то тяжелое упало на пол, и тишину разорвал испуганный, отчаянный взвизг.

Таня поднялась с дивана — медленно, тяжело, будто каждое движение давалось ценой невероятных усилий. Не женщина тридцати пяти лет, а дряхлая старуха, изношенная жизнью до предела. Она подошла к детям, застывшим в немом ожидании. Их испуганные взгляды были прикованы к полу, к жёлтой луже со скорлупой, растекавшейся по кафельной плитке, — зрелищу то ли комичному, то ли трагическому, что идеально подводило итог всему её дню, её жизни.

В этот миг в прихожей щёлкнул замок, и послышались чёткие, уверенные шаги. И через минуту в проёме кухни возник Олег. Он был свеж, бодр и пах дорогим парфюмом. Его тёмно-серый костюм сидел безупречно, а голубая рубашка, которую Таня с такой любовью гладила еще вчера, выгодно оттеняла цвет его глаз. Галстук был слегка расслаблен — единственная деталь, выдававшая в нём уставшего после трудового дня человека.

Его взгляд скользнул по замершим детям, по жене, стоявшей посреди кухни в позе загнанного зверя, по жёлтой луже на полу. В его лице не было ни удивления, ни сочувствия, лишь холодная, отстранённая оценка обстановки, которая его явно не устраивала.

Прежде чем Таня успела открыть рот, он выпалил на одном дыхании, резко и без паузы, словно зачитывал заранее подготовленный ультиматум:

— Собери мне вещи. Я ухожу.

Глава 2

Слова повисли в воздухе — острые, нереальные, как осколки разбитого стекла.

Таня застыла.

Её мозг отказывался складывать эти знакомые звуки в осмысленную фразу. «Собери мне вещи. Я ухожу». Что это значит? Может, в командировку? Срочно? На пару дней?

Она подняла глаза на Олега, ища в его лице привычную усталую усмешку, обещание, что это шутка. Плохая, неудачная, но шутка.

Но то, что она увидела, ударило под дых сильнее любых слов.

Ледяное выражение его лица, отстранённое, чужое. Поза — не мужа, вернувшегося с работы, а постороннего, который случайно зашёл в неухоженную квартиру и теперь оценивающе оглядывает беспорядок, неухоженную жену, шумных детей. В его взгляде не было ничего, кроме холодной решимости.

Сомнений не оставалось.

Первыми среагировали дети. Сашка, самый сообразительный из тройни, дёрнул её за полу серой водолазки:

— Мам, а папа куда?

Паша, младший, обхватил её ногу, прижался лбом к бедру, будто пытаюсь спрятаться:

— Папа, ты куда? Ты что, насовсем?

А Ваня — самый нежный и чувствительный — начал хныкать. Тихо, жалобно, ещё не понимая слов, но уже чувствуя нарастающую панику, исходившую от матери, как электрический ток.

Их тонкие пальцы цеплялись за неё, тянули, дёргали, пытаюсь достучаться сквозь тот свинцовый колокол глухоты, что опустился на неё. Но Таня не чувствовала прикосновений. Только смотрела на Олега и видела перед собой чужого человека.

— Я... тебя не понимаю, — выдавила она.

Голос прозвучал чужим, надтреснутым, будто принадлежал не ей, а какой-то другой женщине — той, что стояла на краю пропасти и смотрела вниз.

— Да что тут, собственно, непонятного? — раздражённо бросил Олег, отводя взгляд в сторону. — Всё же очевидно.

Он тяжело вздохнул — как человек, которому предстоит утомительная, но необходимая процедура.

— Потому что я не могу больше жить в этом болоте. В этой вечной грязи, криках, беспорядке.

Его взгляд скользнул по ней — медленно, брезгливо, оценивающе. По засаленному хвосту, по серой водолазке с пятном, по тёмным брюкам, потерявшим форму после сотни стирок.

— Посмотри на себя! Ты выглядишь как чучело. Я начальник отдела, меня уважают люди, а я стесняюсь к тебе на работе лишний раз подойти, потому что твой внешний вид... Таня, ты просто безобразная. Куда делась та нежная, красивая женщина, на которой я женился? Откуда взялась эта баба, не способная ни домом заниматься, ни себя в порядок привести, ни карьеру сделать?

Каждое слово врезалось в неё, как нож. Холодный, острый, беспощадный.

— Да как ты можешь... — прошептала она, не веря, что это говорит он — человек, с которым прожила пять лет. Глаза наполнились слезами, но она с яростью сглотнула ком в горле. — Ты же прекрасно знаешь, как тяжело мне с детьми! Трудная беременность, роды... Я ведь с ними без помощников, ты работаешь, а я всё сама... Да мне помыться-то некогда! Так я ведь... Так ты ведь обещал!

Голос сорвался на крик — отчаянный, полный боли, которую невозможно было больше держать в себе.

— Ты обещал, что мы вместе! Что это временно! Что мы со всем справимся!

— Временно? — рявкнул он, и его раздражение, наконец, прорвалось наружу. — Уже четыре года, Таня! Четыре! Я устал от твоего вечного нытья, от твоей усталости, от твоего вечного «я не могу, я устала, помоги»! Ты просто топишь меня, понимаешь? Тянешь на дно.

Он сделал паузу, и в его глазах впервые за долгое время мелькнуло что-то живое. Что-то, от чего у Тани оборвалось сердце.

Счастье.

Он смотрел на неё и выглядел... счастливым. Не фальшиво, не наигранно. По-настоящему.

— К тому же, у меня есть другая жизнь, — сказал он, и голос его стал мягче, почти мечтательным. — Уже почти два года. И в ней есть женщина, которая меня вдохновляет. Которая радуется жизни и радуется меня, а не мучает бесконечным нытьём. Она не тянет меня в болото. Она даёт мне силы идти вперёд.

Два года.

Слова прозвучали как приговор. Два года он жил двойной жизнью. Два года она выматывалась с детьми, не спала ночами, тянула всё на себе — а он в это время был с другой. Вдохновлялся. Радовался жизни.

— Так дай мне свободу, — холодно продолжил он. — Освободи меня от себя.

— А как же дети? — взмолилась она, и руки инстинктивно потянулись к притихшим сыновьям.

— А что дети? — Олег пожал плечами с такой лёгкостью, будто речь шла о смене обоев. — Алименты я платить буду, за это не волнуйся. Но пути наши расходятся. Прими это. Квартиру... так и быть, оставлю тебе. Я, конечно, неплохо вложился в эту халупу, которая досталась тебе от родителей... Но всё-таки дети с тобой остаются.

— Со мной... — повторила она как робот.

— Да, с тобой. — Он поправил манжет рубашки, не глядя на неё. — Сама понимаешь, мне нужно новую семью строить. Дети будут мешать.

Дети будут мешать.

Эти слова прозвучали в тишине квартиры, как выстрел.

И в этот момент громко, навзрыд, заплакал Ваня.

Его тонкий, пронзительный плач, казалось, разорвал саму ткань реальности. За ним, не выдержав, начали всхлипывать Сашка и Паша. Они обнимали мать, цеплялись за неё, их маленькие тела тряслись от рыданий. Они не понимали слов об алиментах и новой семье — но они поняли главное.

Папа их бросает.

Сашка уткнулся лицом ей в живот, Паша повис на ноге, Ваня тянул руки, захлёбываясь слезами. Три маленьких комочка отчаяния, три разбитых сердца, которые ещё не умели говорить о боли, но уже умели её чувствовать.

Таня больше не слышала их. Не чувствовала дергающих рук. Не видела яичной лужи на полу, разбитой тарелки, убегающего молока на плите.

Она видела только его. Красивого, ухоженного, абсолютно чужого человека, который стоял в её прихожей и объяснял, почему её любовь, её жертвы, её бессонные ночи — это болото, из которого нужно сбежать.

Внутри неё что-то оборвалось. Не сердце — сердце всё ещё билось, хоть и с перебойми. Оборвалась та самая нить, что держала её на плаву все эти годы. Та глупая, наивная вера, что он видит, понимает, ценит.

Олег что-то продолжал говорить. Объяснял плюсы расставания, расписывал преимущества новой жизни, рассказывал про свою новую любовь — как она прекрасна, как она его понимает, как она вдохновляет.

Таня уже ничего не слышала.

Её будто опустили головой в воду — до слуха доходили лишь глухие, искажённые звуки. Булькающие, неразборчивые, чужие. Она смотрела на его губы, шевелящиеся в каком-то дурацком немом кино, и не понимала ни слова.

— Ты меня слышишь? — резкий голос Олега и щелчок пальцев прямо перед носом выдернули её из ступора. — Иди, вещи мне собери. У меня ещё сегодня масса дел.

Масса дел.

У него дела. А у неё — только что рухнула жизнь.

Таня разжала руки, освобождаясь от цепляющихся детей, и на ватных ногах поплелась в спальню. Ноги не слушались — тяжёлые, чужие, будто налитые свинцом. Каждый шаг давался с нечеловеческим усилием.

Она открыла шкаф. Достала чемодан — тот самый, с которым они ездили в свадебное путешествие пять лет назад. Поставила на кровать. И начала механически складывать вещи.

Рубашки. Носки. Галстуки, которые она выбирала ему на праздники. Свитер, который связала сама — единственный, который получился. Всё это летело в чемодан без разбора, без слёз, без мыслей.

Она хоронила их общую жизнь.

Аккуратно упаковывала в молнии и замки шесть лет знакомства, пять лет брака, четыре года родительства. Складывала стопочкой надежды, мечты, обещания. Застёгивала на молнию всё, что было дорого.

Из детской комнаты доносились всхлипывания и приглушённый, фальшиво-увещающий голос Олега, пытавшегося объяснить сыновьям, что «так надо». Что папа их любит, но будет жить отдельно. Что они будут видеться по выходным. Что всё будет хорошо.

Врёт. Он всегда врал.

Два чемодана стояли в прихожей, как два гроба.

Олег потрепал мальчишек по головам — мельком, не глядя в их заплаканные лица. Кивнул Тане — коротко, деловито, как чужой человек. И вышел в подъезд.

Дверь начала медленно закрываться.

И почти сразу раздался телефонный звонок. Олег взял трубку, и его лицо мгновенно преобразилось, засветилось мягкой, счастливой улыбкой. Той, которой Таня не видела уже годы.

Уже почти захлопнув входную дверь, она услышала его голос — лёгкий, радостный, доносившийся с лестничной клетки:

— Да... Не волнуйся, дорогая... Всё в порядке... Да, я уже освободился... Ну, ты её знаешь... Конечно, скоро буду...

Освободился.

Дверь захлопнулась.

Звук ударил, как пощёчина. Гулкий, окончательный, бесповоротный.

В квартире воцарилась оглушительная тишина. Тишина, в которой отчётливо слышалось только прерывистое, горькое дыхание трёх маленьких мальчиков, сидящих на полу в прихожей.

Они сбились в кучку, обнявшись, прижимаясь друг к другу, будто пытаясь защититься от того, что только что случилось. Сашка гладил Ваню по голове, Паша уткнулся носом в колени, и все трое вздрагивали от беззвучных рыданий.

А Таня стояла посреди прихожей и смотрела в пустоту.

Она не плакала. Не двигалась. Не дышала, кажется.

Она просто стояла — каменная, неподвижная, раздавленная — и пыталась понять, как жить дальше, когда всё, во что она верила, оказалось ложью.

Глава 3

Вечер пятницы и всё субботнее утро растворились в сплошном, вязком полотне боли, не имеющем ни начала, ни конца. Таня не вставала с кровати — не потому, что не могла, а потому, что не было даже сил хотеть встать. Она проваливалась в тяжёлый, болезненный сон, граничащий с бредом, где реальность мешалась с кошмарами, а кошмары были страшнее яви лишь тем, что в них Олег уходил снова и снова, бесконечно повторяя свой приговор.

Мир сжался до размеров зашторенной спальни, до влажной от пота простыни, въедающейся в кожу, и давящей, звенящей тишины, которую лишь изредка нарушали приглушённые шёпоты из детской.

Мальчишки, словно маленькие зверьки, почуявшие, что привычная вселенная дала трещину, играли тихо, почти неслышно. Они интуитивно понимали то, что не могли объяснить словами: они оказались в новой, пугающе хрупкой реальности, где мама, их единственный незыблемый центр, вдруг стала беспомощной тенью, от которой исходил жар и которую нельзя было тревожить громкими звуками.

А Таня вспоминала.

Воспоминания накатывали тяжёлыми, ядовитыми волнами, вспыхивая за закрытыми веками ярче, больнее, отчётливее самой жизни. Они не просили разрешения — они просто брали своё, вырывая её из липкого полузабытья и швыряя в прошлое с жестокостью палача.

Она снова видела себя двадцатидевятилетней — ухоженной, пахнувшей дорогими духами, с горящими амбициями глазами, готовой покорить если не весь мир, то уж свою отрасль — точно. Она слышала стук собственных каблучков по офисному паркету, чувствовала уверенность, пульсирующую в каждой клетке, знала себе цену и не собиралась её снижать.

А Олег...

Олег был тогда просто главным специалистом из соседнего отдела, чья обаятельная, чуть хулиганская улыбка заставляла её сердце сжиматься от сладкого, пьянящего предвкушения. Она снова ощущала на коже прохладный шелк своего свадебного платья — того самого, которое теперь, пылится в шкафу, став насмешливым призраком. Снова видела его взгляд — полный безграничного обожания. Снова слышала, как их клятвы «в горе и в радости, в богатстве и в бедности», произнесённые твёрдыми, молодыми голосами, звучали не пустыми словами из сценария, а самой сокровенной, неоспоримой истиной, в которую хотелось верить до последнего вздоха.

Сказка.

Прекрасный, такой реальный, такой осязаемый сон.

И сейчас она наконец проснулась.

На холодной, пропотевшей простыне, в теле, разбитом болезнью и оглушающим предательством. Горькая, ядовитая ирония заключалась в том, что проснуться она должна была гораздо раньше. Два года назад, когда в его взгляде впервые исчезло тепло, сменившись вечной усталостью, обращённой почему-то на неё.

Когда его редкие прикосновения стали формальными, отстранёнными, словно он выполнял скучную, но обязательную супружескую повинность.

Когда он начал находить недостатки в её внешности, в ужине, в беспорядке, который, как ей теперь начинало казаться, он часто сам же и создавал, чтобы было за что зацепиться.

Но тогда она не хотела видеть. У неё не было сил смотреть правде в глаза — все силы уходили на то, чтобы просто держаться на плаву в этом бесконечном, выматывающем быте с тремя малышами.

К вечеру субботы лихорадка накрыла её с новой, удесятерённой силой, будто мстя за те короткие минуты просветления, когда память терзала её без наркоза. Таня с ужасом осознала,

что изнуряющий, раздирающий грудь кашель, от которого, казалось, трещали рёбра, перерос во что-то чудовищное. Всё тело ломило так, будто по нему ночь напролёт ездил тяжёлый каток, оставляя после себя сплошную, ноющую боль. Градусник показывал пугающие 39.5.

Дети, напуганные её состоянием, жались к ней, их маленькие, прохладные ручки бес- сильно тыкались в её раскалённую, сухую кожу, пытаясь найти опору в этом мире, который вдруг перестал быть безопасным.

— Мам, встань... Пожалуйста... Мы кушать хотим, — всхлипывал Ваня, и его слёзы, солёные и горячие, обжигаяще капали ей на шею, смешиваясь с её собственным потом.

— Мамочка, тебе очень больно? — тихо, почти беззвучно, одними губами спрашивал Паша, осторожно проводя пальчиками по её влажному, пылающему виску.

— Мы поцелуем, и всё пройдет, — решительно заявлял Сашка, и его губы, мягкие и прохладные, прикасались к её пылающему лбу в нежном поцелуе.

И в этом простом детском прикосновении, в этой наивной, абсолютной вере в силу любви, её вдруг пронзило осознание чудовищного парадокса её существования.

Эти три маленьких создания, которые, как ей казалось последние годы, высосали из неё все соки без остатка, превратив из цветущей женщины в измождённую тень, — они же теперь стали единственным источником, единственной живительной влагой, питавшей её угасающую волю к жизни.

Их безграничная, чистая, не требующая ничего взамен любовь была тем самым горьким, но спасительным эликсиром, что давал ей силы сделать следующий, невыносимо тяжёлый вздох. Открыть глаза, в которых уже начала закипать смертельная усталость. И, преодолевая адскую, выкручивающую суставы слабость, заставить себя подняться.

И она вставала.

Каждый мускул кричал от боли пронзительным, нечеловеческим голосом. Мир перед глазами плыл, распадался на мутные, дрожащие пятна, пол уходил из-под ног, но она, как подраненная, но не добитая птица, ковыляла на кухню, вцепившись в стену побелевшими пальцами.

Единственным спасением, единственным островком надежды в этом лихорадочном аду оказалась та самая кастрюля супа, сваренная в пятницу ранним утром, когда она ещё не знала, что варит его для себя и детей, а не для семьи. Этот простой, куриный суп, который она машинально разогревала трясущимися руками, стал спасительной пищей для её мальчиков.

Вызванный в субботу же участковый врач констатировала острый обструктивный бронхит и, неодобрительно цокая языком, выписала длинный, пугающий список лекарств. Таня лежала с этим листком в руке, ощущая его неподъёмную тяжесть, и сквозь мутную пелену жара пыталась понять, как ей, в её состоянии, с тремя маленькими детьми на руках, добраться до аптеки. Отчаяние, густое и липко подступало к горлу, сдавливая его, не давая дышать.

И тогда, стиснув зубы до скрежета, до боли в челюсти, она набрала номер Олега.

Гудки тянулись бесконечно долго, каждый отдавался в висках пульсирующей болью.

— Что тебе? Я занят, — прозвучал его голос, обрушившийся на неё нотами раздражения.

— Олег, я... я заболела, — прошептала она в трубку, и собственный голос показался ей чужим.

— Таня, может, хватит уже этих спектаклей? — в его голосе зазвенел металл. — Ты меня не вернёшь. Я всё сказал. Все твои симуляции...

— Олег, я не вру! — выдохнула она с такой силой, чувствуя, как по щекам, обжигая раскалённую кожу, текут слёзы бессилия, злые, горькие, солёные. — Приходил врач. У меня температура под сорок, бронхит... Мне срочно нужны лекарства. Я одна, я не могу... Дети голодные, я еле стою на ногах...

На том конце провода повисла пауза. Тишина, в которой, казалось, можно было услышать его раздражённый, едва сдерживаемый выдох, его мысленную борьбу между желанием послать её подальше и остатками человеческого, что ещё, возможно, теплилось где-то внутри.

— Ладно, — наконец процедил он сквозь зубы, и в его тоне сквозила такая неподъёмная, почти физическая усталость от неё, будто её просьба о помощи была непосильной, изнурительной ношей, которую ему приходится тащить на себе. — Пиши список. Я отправлю курьера.

Короткие гудки оборвали связь.

Таня лежала, уставившись невидящим взглядом в побеленный потолок, по которому плясали причудливые, пугающие тени от уличных фонарей. Дети, словно почувствовав её отчаяние, притихли рядом, обняв её с двух сторон, вцепившись маленькими ручонками в её футболку.

— Мама, не плачь, — прошептал Ваня, прижимаясь мокрой от слёз щекой к её плечу. — Мы с тобой. Мы никогда тебя не бросим

Надо отдать Олегу должное — педантичность всегда была его второй натурой, а может, просто хотелось побыстрее отделаться от неё. Ровно через час, минута в минуту, курьер привёз объёмистый, тяжёлый пакет со всеми необходимыми препаратами. Таня, шатаясь, открыла дверь, приняла свёрток, как принимают подаяние, и, с трудом вымолвив «спасибо», закрылась в своей новой, страшной реальности.

К вечеру воскресенья антибиотики начали понемногу делать своё дело. Жар спал, оставив после себя липкую, обессиливающую слабость. Таня, всё ещё бледная, с провалившимися глазами, но уже способная более уверенно держаться на ногах, кое-как передвигалась по квартире, как сомнамбула, выполняя лишь самые необходимые, жизненно важные действия.

Покормить детей. Переодеть их. Уложить спать.

Уложив наконец засыпающих, утомлённых пережитым днём сыновей, она, как лунатик, на негнущихся ногах доплелась до ванной. Включила воду, тупо глядя, как она набирается в раковину, и только потом подняла глаза на мутное зеркало.

Из серебристой глубины на неё смотрело незнакомое, измождённое лицо. Осунувшееся, с заострившимися скулами, с глубокими, тёмными провалами под глазами, с бледной, почти прозрачной кожей. Она всматривалась в это лицо, пытаясь найти в нём хоть что-то от той уверенной, ухоженной женщины, что носила каблуки и строила карьеру. И не находила.

Но странное дело — она не увидела там ни «чучела», ни «бабы», как назвал её Олег. Она увидела только тень. Тень женщины, которая боролась. За себя, за детей, за жизнь. Которая, несмотря ни на что, продолжала дышать, двигаться, существовать в этом мире, ставшем вдруг таким враждебным и холодным.

Она рухнула в постель, даже не разбирая её, смирившись с неумолимой мыслью, что завтра — понедельник. Начинался новый цикл. Новая неделя. Новая жизнь. Но впервые за эти долгие, выматывающие годы — цикл, в котором не было Олега. Пустота, образовавшаяся на его месте, была зияющей, холодной, но в ней, на самом дне, уже начинало зарождаться что-то новое, чему она пока не могла подобрать названия.

Засыпая под монотонный, убаюкивающий шум дождя за окном, который барабанил по стеклу, как похоронный марш по всему, что было, Таня и представить не могла, что утро принесёт ей новость, которая обрушится на её едва оправившиеся, надорванные плечи с такой чудовищной силой, что покажется страшнее и перенесённой болезни, и самого предательства. Что самое страшное — ещё впереди.

Глава 4

Понедельник наступил неестественной, звенящей тишиной — именно она и вырвала Таню из тяжелого забытья. Резко открыв глаза, она уставилась на электронные часы: без десяти одиннадцать. Сердце провалилось в пропасть, оставив в груди ледяную пустоту. Она проспала. Безбожно, катастрофически, перечеркивая все свое и без того шаткое положение.

«Дети! Садик! Работа!» — пронеслось в голове панической волной. Она сорвалась с кровати, и комната тут же поплыла перед глазами. Температура будто отступила, но ее сменила изматывающая слабость — градусник, сунутый под мышку на бегу, показывал 37.5. Достаточно, чтобы кости ломило, а в висках стучало.

Следующие два часа слились в сумасшедший, потный марафон. Она мчалась в садик на всех парах, потом тридцать минут в душном, тряскем автобусе, где приходилось стоять, держась за поручень дрожащей рукой. Сорок минут в метро, в давке, где каждый толчок отзывался болью во всем теле. Каждая секунда гулко отсчитывала в висках: «Опоздала! Опоздала! Опоздала!»

Она влетела в отдел кадров, запыхавшаяся, с растрепанными волосами и лихорадочным блеском в глазах, и уперлась во взгляд Жанны Викторовны. Холодный, отполированный до блеска бесстрастия взгляд карих глаз. Та сидела за столом, словно паучиха в центре идеально сплетенной паутины, и Таня чувствовала себя мухой, безнадежно запутавшейся в нитях.

— Ну вот, — голос начальницы был тихим, но от этого еще более зловещим. — График работы, Татьяна Игоревна, для вас, видимо, просто ничего не значащие цифры? Пять часов опоздания. Это даже не прогул. Это издевательство.

— Жанна Викторовна, я... я могу все объяснить, — начала Таня, чувствуя, как подкашиваются ноги. Голос звучал хрипло и предательски дрожал. — Я заболела, в субботу врач был, бронхит, я... я отказалась от больничного, мне нужно работать, у меня трое детей, я одна их кормилец теперь... Мне не на кого надеяться.

— Меня не интересуют ваши личные обстоятельства, — Жанна Викторовна отрезала, словно острым ножом. В ее глазах читалось не просто равнодушие, а почти физическое удовольствие от происходящего. Ее пальцы, ухоженные, с безупречным красным маникюром, легли на два лежащих перед ней листа. — У меня есть два документа. Это, — она слегка толкнула первый лист пальцем с большим изумрудом, — приказ об увольнении за прогул. Со всеми вытекающими для вашей трудовой. А это, — она коснулась второго, — заявление по собственному желанию. Выбирайте. У вас есть пять минут. Пока я пью кофе.

Она встала и, не глядя на Таню, вышла из кабинета, оставив ее одну в центре комнаты под сочувственными и беспомощными взглядами коллег. Девушки отводили глаза, не в силах помочь.

Таня стояла, глядя на эти два листа, и чувствовала, как по спине ползет ледяной пот. «По статье...» Это клеймо на всю жизнь. С ним потом никуда не устроиться. Страх, густой и липкий, сжимал горло. Дрожащей рукой она взяла ручку и подписала заявление по собственному желанию. На чистой линии для подписи упала круглая, мокрая капля. Затем вторая. Она плакала молча, без рыданий, слезами полного отчаяния. Сначала муж. Теперь работа. Опора за опорой выбивались из-под ног. Алименты — это где-то там, в туманном будущем, а кормить детей нужно сегодня, сейчас, вот в эту самую минуту. Будущее, которое еще вчера, казалось, хоть и трудным, но возможным, теперь представлялось абсолютно безысходным.

В кармане пиликнул телефон. Механически она достала его. Оповещение от портала госуслуг. Сухое, казенное сообщение: «Татьяна Игоревна К., вы приглашены на бракоразводный процесс...»

Все. Круг замкнулся. Ее жизнь была официально, на государственном уровне, признана крахом.

Собрав в картонную коробку свои жалкие пожитки — чашку, несколько ручек, фотографию детей на столе, — она вышла в коридор, по направлению к лифтам. Казалось, каждый шаг отзывается эхом в абсолютной пустоте внутри. Она нажала кнопку вызова, и через мгновение с легким шелестом раздвинулись створки лифта.

И там, в ярко освещенной кабине, стоял он. Олег. Его спина была к ней, а в его объятиях, прижавшись к его серому костюму, была худая блондинка в элегантном платье. Он наклонился к ней, и ее рука с красным маникюром и большим изумрудом на пальце обняла его за шею. Они о чем-то тихо переговаривались, а потом послышался их веселый смех.

Таня застыла на пороге, сжимая в руках картонную коробку. Так это она... К Тане пришло осознание. Она поняла, почему начальница была к ней так несправедлива, почему с таким удовольствием делала замечания, заваливала работой. Эта женщина ненавидела ее не как сотрудницу — она ненавидела в ней жену. Законную жену человека, которого она считала своим. Все эти месяцы изматывающей работы, постоянного давления... А дома — равнодушие Олега, его вечные упреки. Они действовали заодно, методично выжигая в ней все силы, всю волю, превращая в изможденную тень.

В груди Тани стал разгораться огонь. Сначала — тлеющая искра, но с каждым ударом сердца он полыхал все сильнее, выжигая ледяное оцепенение, вытесняя отчаяние. Какие же они чудовища! Сговорились уничтожить ее, отнять все — мужа, работу, достоинство. Но они просчитались. В глубине этого отчаяния, на самом дне, нашлось то, что они не смогли отнять — яростная, всепоглощающая воля к сопротивлению.

С грохотом бросив коробку на пол, Таня развернулась и решительным шагом направилась по коридору. Ее ладони сжались в кулаки, а в глазах зажегся новый огонь — не лихорадочный, а холодный и стальной. Она точно знала, что будет делать дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.